

На правах рукописи

Лашова Светлана Николаевна

**ПОЭТИКА МИХАИЛА ШИШКИНА:
СИСТЕМА МОТИВОВ И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Пермь

2012

Работа выполнена на кафедре новейшей русской литературы ФГБОУ ВПО «Пермский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Абашева Марина Петровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Барковская Нина Владимировна, профессор
кафедры современной русской литературы
Института филологии, культурологии и
межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО
«Уральский государственный
педагогический университет»

кандидат филологических наук
Соболева Ольга Владимировна,
ФГБОУ ВПО «Пермский национальный
исследовательский политехнический
университет», гуманитарный факультет,
кафедра иностранного языка, лингвистики и
межкультурных коммуникаций

Ведущая организация

ФГБОУ ВПО
«Челябинский государственный
университет»
Филологический факультет, кафедра русской
литературы

Защита состоится 22 марта 2012 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.189.11 в Пермском государственном национальном исследовательском университете по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Автореферат разослан «20» февраля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

С.Л. Мишланова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предметом исследования в реферируемой работе является творчество Михаила Павловича Шишкина (родился в 1961 г.). Первые произведения писателя опубликованы в 1993 году: рассказ «Урок каллиграфии» и роман «Всех ожидает одна ночь», в течение последующих лет вышли романы «Взятие Измаила» (1999), «Венерин волос» (2005), «Письмовник» (2010), принесшие автору не только российскую, но и мировую известность. Так, роман «Венерин волос» переведен на 12 языков, в настоящее время переводится на 20 языков роман «Письмовник». Помимо того, Шишкин является автором нескольких эссе: «Русская Швейцария» (2001), «Монтре – Миссолонги – Астапово. По следам Байрона и Толстого. Литературная прогулка от Женевского озера в Бернские Альпы» (2002) и др. В 2011 году была опубликована документальная повесть автора «Кампанила Святого Марка».

М. Шишкин стал лауреатом самых престижных литературных премий России: «Русский Букер» (2000), «Национальный бестселлер» (2005), «Большая книга» (2006). В июне 2011 года за роман «Венерин волос», переведенный на немецкий язык, прозаик был удостоен Международной литературной премии берлинского Дома культуры народов мира. В ноябре 2011 года роман «Письмовник» стал победителем национальной литературной премии «Большая книга».

Высокая оценка творчества писателя свидетельствует об актуальности его литературных стратегий, хотя последние далеко не всеми критиками принимаются однозначно. Полемика о творчестве Шишкина в основном ведется по двум направлениям: об эстетической ценности прозы писателя и о принадлежности его текстов к определенному литературному направлению (реализм, модернизм, постмодернизм). Ряд критиков высоко оценивают произведения Шишкина (М. Ганин, Н. Иванова, И. Каспэ, М. Кучерская, М. Липовецкий, В. Пригодич, С. Оробий, М. Эдельштейн, А. Агеев). Другие обвиняют писателя в имитаторстве, вторичности, в подражании стилю И. Бунина, В. Набокова, С. Соколова (А. Немзер, Д. Ольшанский, К. Решетников, Г. Юзефович), в излишней усложненности прозы.

Разброс оценок только подчеркивает неоднозначность творчества писателя и стимулирует читательский интерес.

Состояние научной разработанности темы. На сегодняшний день в литературоведении существует только одна, небольшая по объему монографическая работа, посвященная художественной прозе писателя. Это книга С. Оробия «Вавилонская башня» Михаила Шишкина: опыт модернизации русской прозы» (2011). В центре внимания исследователя находятся особенности жанровой и сюжетной организации текстов, система персонажей, лингвопоэтика произведений писателя.

Внимание авторов отдельных исследовательских статей о творчестве М. Шишкина сосредоточено на следующих аспектах его поэтики:

художественный метод автора (Н. Лейдерман, М. Липовецкий, Г. Нефагина, Т. Рыбальченко, И. Скоропанова, С. Оробий, Н. Хрящева); особенности хронотопа текстов писателя (О. Ревзина, Т. Рыбальченко); ведущие мотивы произведений (И. Каспэ, Г. Нефагина, С. Оробий); интертекстуальность текстов М. Шишкина (Г. Нефагина, С. Оробий, Т. Рыбальченко); особенности организации нарратива (Т. Кучина, С. Оробий).

Актуальность реферируемой работы обусловлена необходимостью дальнейшего освоения творчества Шишкина в рамках академического литературоведения в силу его высокой художественной ценности и новаторской роли в современном литературном процессе. То обстоятельство, что произведения Шишкина почти неизменно увенчиваются литературными премиями, активно входят в мировой литературный процесс, свидетельствует об актуальности его литературных стратегий – таким образом, в исследовании особенностей поэтики М. Шишкина в настоящей работе выявляются и существенные тенденции современного художественного мышления и письма.

Материалом исследования в диссертации становится весь объем творчества Михаила Шишкина: художественные тексты (рассказ «Урок каллиграфии», роман «Всех ожидает одна ночь», рассказ «Wilkommen in Z», роман «Взятие Измаила», роман «Венерин волос», роман «Письмовник»); документальная проза (автобиографический рассказ «Пальто с хлястиком», документальный роман в письмах «Кампанила Святого Марка», литературно-исторический путеводитель «Русская Швейцария»); эссеистика («Спасенный язык», «Монтре – Миссолонги – Астапово. По следам Байрона и Толстого. Литературная прогулка от Женевского озера в Бернские Альпы», «На русско-швейцарской границе», «Вильгельм Телль как зеркало русских революций»), а также интервью писателя. В качестве необходимого контекста для сравнительного анализа привлекаются тексты других современных российских прозаиков.

Объектом исследования в работе является поэтика произведений М.Шишкина, созданных автором в период с 1993 по 2011 гг.

Предметом исследования становится сеть сквозных мотивов прозы писателя и повествовательные стратегии их развертывания. Названные уровни поэтики писателя рассматриваются в их становлении и эволюции.

Цель настоящего исследования состоит в системном описании поэтики писателя (структуры мотивов, повествовательных стратегий, индивидуального творческого метода) в контексте современной прозы.

В соответствии с общими целями работы определены ее конкретные **задачи**: а) выявить основные мотивы текстов М. Шишкина; б) проанализировать принципы построения нарратива; в) проследить становление поэтики писателя в контексте реалистических, модернистских, постмодернистских стилевых тенденций эпохи; г) рассмотреть создание авторского текста во взаимодействии художественных и нехудожественных дискурсов; д) определить общие (характерные для современного состояния отечественной литературы) и особенные, уникальные черты творчества М.Шишкина.

Методология исследования опирается на несколько исследовательских методов. Это мотивный анализ (И. Силантьев, В. Тюпа, Е. Фарино), интертекстуальный анализ (Ю. Кристева, Р. Барт, Ж. Женнет, А. Жолковский, Ю. Щеглов, Б. Гаспаров), анализ мифопоэтики (Е. Мелетинский, В.Топоров, З.Минц, М. Максимов), нарратологический анализ (объединивший подходы западной и отечественной нарратологии – Ц.Тодоров, К. Хамбургер, Ж.Женнет, Б. Успенский, Б. Томашевский, В. Тюпа, В. Шкловский, В. Шмид).

Теоретическую основу диссертации составляют работы М. Бахтина о романе («Вопросы литературы и эстетики», «Эстетика словесного творчества», «Проблемы поэтики Достоевского»), принципы изучения исторической поэтики А. Веселовского, исследования по поэтике мифа Е. Мелетинского «Поэтика мифа», научные труды по нарратологии (Ф. Анкерсмит, Р. Якобсон, Р. Барт, Ж. Женетт, В. Тюпа, В. Шмид, Й. Брокмейер, Р. Харре и др.), работы по теории литературного мотива (Б. Жолковский, И. Силантьев, Ю. Щеглов, Е.Фарино), исследования персональной идентичности писателя (М. Абашева, Т. Печерская, Е. Эткинд).

Научная новизна работы определяется впервые осуществленной целостной интерпретацией творчества М. Шишкина в его эволюции (включая художественную и документальную прозу, эссеистику). Впервые выявлена система, иерархия авторских мотивов – с описанием инвариантов и вариантов, особенностей их нарративного развертывания в контексте текущего литературного процесса и опыта писателей-современников. Охарактеризован индивидуальный творческий метод автора, в основе которого находятся повторяемость, зеркальность (сюжетов, ситуаций, мотивов, персонажей, художественных деталей), интерактивность.

Теоретическая значимость работы состоит в описании на конкретном историко-литературном материале процессов взаимодействия различных художественных систем (реалистической, модернистской, постмодернистской), в уточнении аналитических процедур интерпретации художественного текста через категории «мотив» (в данном случае – мотивы повествовательные и концептуализирующие) и «нарратив» (в диссертации нарратив понимается как способ моделирования текста).

Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее материалов и выводов в дальнейшем изучении творчества Михаила Шишкина, в преподавании истории русской литературы конца XX – начала XXI веков.

Положения, выносимые на защиту:

1. Творчество М. Шишкина являет собой единую сеть сквозных мотивов, выстраивающуюся в системную иерархию повествовательных и концептуализирующих (термин Е. Фарино) мотивов. Последние (мотивы языка, воскрешения, любви), проявляющиеся на всех уровнях текста, выстраивают метасюжет произведений М. Шишкина.

2. Основными принципами построения художественного нарратива М.Шишкина являются принципы соположения и интердискурсивности. Писатель сопоставляет в пространстве текста различные времена (прошое,

настоящее, будущее), стили (книжные, разговорный), подлинные и мнимые документы (дневники, мемуары, протоколы и т.д.). Принцип интердискурсивности проявляется в текстах автора в постоянной взаимной подмене дискурсов: фактуального / фикционального, исторического / мифологического.

3. Становление художественного метода М. Шишкина определяется свободным сочетанием различных писательских практик, принадлежащих разным художественным системам: реализму, модернизму, постмодернизму. При доминировании модернистских философских и мировоззренческих особенностей художественного мышления (мифологизация, архетипичность, зеркальность) писатель использует постмодернистские технологии письма (коллажность, фрагментарность, ризоматичность) и реалистическую достоверность и правдоподобие, достигаемое, в частности, эффектом документальности.

4. Творчество М. Шишкина заслуживает дальнейшего пристального изучения и включения в историю литературы XX-XXI вв. вследствие актуальности его проблематики и выразительности поэтики. Проблематика произведений писателя строится на осмыслении трагического, травматического опыта недавней истории России в индивидуальном экзистенциальном опыте отдельного человека. Поэтика же представляет собой характерный для рубежа XX и XXI веков синтез элементов и практик «больших стилей» (реализм, модернизм, постмодернизм) и устойчивую рефлексию о языке, востребованную современным гуманитарным мышлением в целом.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы обсуждались на кафедре новейшей русской литературы Пермского государственного педагогического университета, излагались в докладах на 4 Международных конференциях: «Концептуальные проблемы литературы» (Ростов-на-Дону, 2010), «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты» (Чита, 2010, 2011), «Литература сегодня: знаковые фигуры, жанры, символические образы» (Екатеринбург, 2011); на 2 Всероссийских конференциях: «Актуальные проблемы экономики и управления в современном обществе» (Пермь, 2010, 2011, секция «Человек и культура»); на Региональной научно-практической конференции «Филологическое образование в процессе становления профильной школы: проблемы и перспективы» (Пермь, 2009).

Структура работы. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, библиографического списка, включающего 240 наименований. Общий объем работы составляет 178 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, актуальность, цель и задачи работы, освещается степень изученности темы, обозначаются объект, предмет и материал исследования, определяются научная новизна, теоретическая и

методологическая база, формулируются основные положения, выносимые на защиту, указывается теоретическая и практическая значимость работы.

Здесь определяются также ключевые для работы исследовательские категории – «мотив» и «нарратив». Повествовательный мотив рассматривается в диссертации как минимальная семантическая единица (по определению И.Силантьева, «мотив подобен слову, произвольному распаду которого на морфемы также препятствует семантическое единство его значения»¹). Повествовательные мотивы анализируются в системе основных категорий нарративной поэтики: повествование, событие, герой и персонаж, пространство и время, фабула и сюжет. Под концептуализирующими мотивами вслед за Е. Фарино автор работы понимает мотивы-концепты, репрезентирующие основные смыслы текстов. Эти мотивы проявляются в тексте на уровне прямых высказываний героев, заглавий произведений, используемых автором мифологем, реминисценций и т.д. Нарратив рассматривается в диссертации как определенным образом организованная повествовательная модель (Й. Брокмейер, Р. Харре).

В главе первой «Система мотивов в произведениях Михаила Шишкина» рассмотрены ведущие повествовательные и концептуализирующие мотивы произведений писателя. Текстуальный анализ повторяющихся словесных содержательных элементов позволил выявить в творчестве Шишкина систему иерархически выстроенных мотивов. Система представляется трехуровневой. Первый уровень – повествовательные мотивы (рождения, болезни, смерти, вины, искупления, разлуки и т.д.). Второй – концептуализирующие мотивы любви и слова. Третий, высший уровень, – это развернутый мотив воскрешения, к которому восходят и повествовательные, и концептуализирующие мотивы.

По мнению некоторых исследователей (И. Каспэ, М. Кучерская, Г.Нефагина, С. Оробий, М. Эдельштейн), именно семантическое разворачивание стержневых мотивов в текстах автора позволяет рассматривать все его произведения как единый текст. В реферируемой работе обосновывается положение о том, что все произведения писателя можно рассматривать как гипертекст, где в роли ссылок-переходов между текстами выступают сквозные мотивы, аллюзии, реминисценции, мифологемы.

В параграфе 1.1. «Основные повествовательные мотивы произведений М. Шишкина» проводится анализ повествовательных мотивов и принципов их взаимодействия в текстах писателя. В числе основных повествовательных мотивов обнаруживаются мотивы, связанные с биографическим дискурсом: болезни, смерти, рождения детей, трагической гибели близких людей, мотив расставания (развода) с близким человеком, мотив вины перед близкими.

Семантика каждого мотива складывается за счет семантически неоднородных и взаимно дополняющих друг друга вариантов этого мотива как в отдельном произведении писателя, так и во всем гипертексте автора. Так,

¹ Силантьев И. Поэтика мотива. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 17.

варианты мотива рождения во «Взятии Измаила» семантически разворачиваются в нескольких смысловых плоскостях в автономных сюжетных линиях романа. В линии Михаила Шишкина (имя романного персонажа) рождение ребенка ощущается героем как онтологическое событие и приравнивается им к рождению мира. В развивающейся параллельно истории адвоката Александра Васильевича рождение ребенка становится для героев испытанием, которое проверяет их на человечность, прочность, способность не изменить самим себе, выстоять наперекор обстоятельствам. Дальнейшее развитие мотив рождения получает в романе «Венерин волос». В этом романе мотив приобретает новую семантику: рождение ребенка как преодоление смерти (псевдороды Беллы) и рождение ребенка как обретение внутренней свободы (история афганца Анатолия). Сакральный смысл придает мотиву введение в повествование эпизода о посещении Беллой Собора Софии Киевской. В «Письмовнике» мотив рождения неразрывно переплетается с мотивом женского одиночества (истории жизни Ады, Сашеньки). Таким образом, варианты мотива рождения как в отдельном тексте писателя, так и во всем гипертексте автора, зеркально отражая и дополняя друг друга, формируют общее семантическое пространство мотива.

Анализ текстов автора показал, что все стержневые повествовательные мотивы переплетены друг с другом. Мотив смерти – с мотивом любви и рождения ребенка, мотивами болезни, вины, изживания героями детских страхов.

В ходе анализа повествовательных мотивов текстов Шишкина автор работы приходит к выводу о том, что определяющими в структуре повествовательных мотивов являются два принципа: это принцип переплетения разнородных мотивов и принцип отражения (зеркальности) одноименных мотивов. Ключевые эпизоды произведений писателя обретают смысл именно в переплетении и зеркальном отражении мотивов. Переплетение, отражение (зеркальность) мотивов в событийной цепи эпизодов позволяют в полной мере понять как семантическое наполнение каждого мотива, так и мировосприятие писателя в целом. Эти же принципы реализуются писателем и на уровне концептуализирующих мотивов – воскрешения, любви и слова. В системе мотивов автора именно эти три мотива являются ведущими и вместе с повторяющимися повествовательными мотивами объединяют все тексты писателя в гипертекст.

В параграфе 1.2. анализируются основные концептуализирующие мотивы: языка, любви и воскрешения.

В разделе 1.2.1., посвященном изучению мотива языка в произведениях писателя, анализ текстов предваряется обзором основных философско-эстетических теорий языка, составляющих современный культурологический контекст, который не может не влиять и на мировоззрение М. Шишкина, филолога по образованию (раздел 1.2.1.1.). С опорой на этот контекст анализируется эволюция мотива языка, слова в художественных произведениях писателя (раздел 1.2.1.2.).

Анализ показал, что мотив языка является ключевым уже в первом рассказе автора «Урок каллиграфии» (1993), повествующем о судьбе секретаря суда Евгения Александровича, до умопомрачения влюбленного в буквы, в чистописание. Композиционно весь рассказ построен как череда уроков, которые герой дает жителям города. Стержневой мотив определил специфику сюжета. В рассказе нет линейного развития событий, вся история жизни героя восстанавливается в ретроспективе – из его рассказов ученикам. Название рассказа символично: уроки каллиграфии для героя – это способ обретения себя, способ личностной самоидентификации в окружающем мире, приобщения к высшей ценности, которой для Евгения Александровича является язык. Для героя романа «Всех ожидает одна ночь» (1993) письмо тоже становится смыслом бытия, способом преобразования личного и социального «хаоса» в «космос».

Заявленная в этих текстах идея сохраняющей силы слова получает дальнейшее развитие в следующем романе – «Взятие Измаила» (1999). В этом романе несколько автономных сюжетных линий, в каждой из которых есть пишущий дневник или мемуары герой. Собирает «коллекцию слов» и событий герой романа – писатель Михаил Шишкин. Как отражение авторской интенции о «закрепленности» жизни в слове появляются в тексте романа такие персонажи, как афиняне и оратор античности Гиперид (IV в. до н.э.), к которым неоднократно обращаются главные герои романа. Эти герои, чья жизнь была сохранена в слове, получают вторую жизнь в тексте романа. Мысль о закрепленности жизни в слове имплицитно заявлена в подзаголовке романа «Лекция 7-я». Здесь важно и то, что лекция – это и есть слово, важен и номер лекции, который отсылает читателя к семи дням творения мира и подчеркивает животворящую силу слова. Мотив отражения и сохранения жизни человека в слове, являющийся ключевым для этого романа, определяет и композицию: «Взятие Измаила» заканчивается картиной родов. Рождение слова (текста) отождествляется автором с рождением человека. Язык, таким образом, осмысливается как способ преодоления смерти.

Дальнейшее развитие мотив слова получает в двух последних романах писателя: «Венерин волос» (2005) и «Письмовник» (2010). В первом из них концепция слова приобретает новые грани: автор отождествляет жизнь человека с рассказом о ней, показывая, как нарратив (повествование о своей жизни) формирует судьбу человека. В романе «Письмовник», однако, концепция слова претерпевает существенные изменения. Не отрицая онтологической сущности слова, автор в то же время подчеркивает нетождественность жизни человека и отображения этой жизни в слове: «Ты же знаешь, что слова, любые слова, – это только плохой перевод с оригинала» (М. Шишкин).

Раздел 1.2.1.3. «Мотив языка в эссеистике М. Шишкина». Исследование эссеистики М. Шишкина демонстрирует, что каждое из его эссе представляет собой рефлекссию по поводу языка. По мысли автора, «живой» язык должен представлять собой некое дуалистичное единство косности как нормы и косноязычия как разрушения этой нормы. Только такой язык, как считает

писатель, является «кодом», который делает возможной «вертикальную коммуникацию». В эссеистике, как и в прозе писателя, получает развитие мысль о демиургической, созидающей роли художников слова.

В разделах 1.2.2. «Мотив воскрешения» и 1.2.2.1. «“Ноев ковчег” М.Шишкина» анализируется мотив воскрешения и способы его воплощения в прозе писателя. Мотив воскрешения, наряду с мотивом слова, является ключевым в прозе М. Шишкина. Это проявляется во многих аспектах поэтики – и в системе персонажей романов, и в заглавиях произведений, и в способах раскрытия всех остальных мотивов, и на уровне художественной детали, и на уровне используемых мифологем. Обращение автора к трансцендентным понятиям Смерти, Воскрешения, Любви влечет за собой мифологизацию повествования, насыщение текстов культурными реминисценциями, аллюзиями, мифологемами. (В диссертации под мифологемой понимается образ-символ, обладающий устойчивым кругом значений в культуре, или, по определению З.Минц, «знак- заместитель целостных ситуаций и сюжетов»¹). Использование мифологических образов свойственно всем произведениям М. Шишкина, но наиболее ярко эта особенность поэтики отразилась в трех последних романах автора: «Взятие Измаила», «Венерин волос», «Письмовник».

В разделе 1.2.2.2. «Мифологемы возрождения к новой жизни в романе “Взятие Измаила”» анализируется конгломерат мифологем Древнего Египта, древней Греции, славянских, а также христианских мифологем. Так, в эпизоде пути Мотте в Египет перекрещиваются мифологемы Осириса и Моисея. Мотте на куполе вокзала видит «райское поле Иару» и Осириса. Именование героя крайне важно: его фамилия созвучна имени еврейского пророка Моисея, выведшего народ израильский из Египта (на иврите Моисей звучит как Моше, «взятый из воды»). Сопряжение этих имен весьма символично. Осирис – символ вечно возрождающейся природы, а Моисей воспринимается в христианстве как один из прообразов Христа (Моисей явил миру Ветхий Завет, Христос – Завет Новый). Перекрещивание этих мифологем в тексте позволяет сделать следующие выводы: мотив воскрешения через слово (мифологема Моисея, схимника Епифания) благодаря мифологеме Осириса приобретает дополнительную семантику – воскрешение как некий общий закон жизни.

В разделе 1.2.2.3. «Мифологемы воскрешения любовью и словом в романе “Венерин волос”» через анализ мифологем романа прослеживается развитие мотива воскрешения. В романе переплетаются мифологемы, ассоциирующиеся в сознании читателя с вечной любовью (имена героев романа – Тристан, Изольда, Дафнис, Хлоя), со словом (Кирилл и Мефодий, Антоний Римлянин), само название романа имплицитно отсылает к мифологеме Венеры.

¹Минц З.Г. О некоторых "неомифологических" текстах в творчестве русских символистов // Блоковский сборник. – Тарту: Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та, 1979. – Вып. 3. – С. 79.

В разделе 1.2.2.4. представлен анализ мифологем романа «Письмовник». В диссертации отмечается, что основными мифологемами, в отличие от предыдущих произведений автора, здесь становятся национальные: мифологема царя-попа Ивана (пресвитера Иоанна) и девочки Снегурочки. Образ пресвитера Иоанна – царя-попа Ивана, стал в истории культуры мифологемой, с которой неразрывно связана идея воскрешения (чаша Грааля). Образ Снегурочки – дочери героини, которую та лепит себе из снега, позволяет понять авторскую концепцию жизни как цикла, в котором неразрывно связаны рождение и смерть. По одной из существующих в фольклористике версий, сказка о Снегурочке возникла из древнего славянского обряда похорон Костромы, с образом которой связан мотив неизбежного воскресения¹.

В ходе анализа автор работы приходит к выводу о том, что в последнем романе писателя наблюдается некоторое переосмысление идеи воскрешения: если в предыдущих произведениях речь шла только об условном, идеальном воскрешении через любовь и слово, то в «Письмовнике» эта идея приобретает семантику едва ли не телесного воскрешения. Герои романа не раз говорят о «точке схода», где после смерти встретятся все те, кто любил друг друга.

Анализ системы мотивов романов показал, что в основе авторской мифопоэтики лежит идея о воскрешении через любовь и слово. Мифологемы, реминисценции, аллюзии, репрезентирующие концептуализирующие мотивы, выступают в роли определенных ссылок-переходов между текстами автора. В параграфе определяется вектор развития мотива воскрешения: от воскрешения через слово к телесному воскрешению.

Повествовательные мотивы у М. Шишкина образуют микрофабулы, которые соседствуют друг с другом в пространстве романа. Традиционные же фабульно-сюжетные, событийные связи у Шишкина оказываются ослабленными, взамен их концептуализирующие мотивы образуют метасюжет, общий для всех его романов: воскрешение через слово. Динамика повествования достигается не перипетиями сюжета, а его разворачиванием в различных дискурсивных системах: документа, фикционального повествования, исторического дискурса.

Стратегии повествования, разворачивания устойчивой системы мотивов и становятся предметом изучения **во второй главе диссертации «Повествовательные стратегии Михаила Шишкина».**

Под повествовательной стратегией вслед за В. Тюпа в работе понимается художественная интенция автора, конструирующего мир текста таким образом, что формирование, а также кумуляция смысла осуществляется через нарратив. Повествовательные стратегии Шишкина уже становились предметом научного исследования, но с применением иного понимания нарративного анализа, – имеющего своим центром проблему повествователя,

¹ Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т./ под. ред. С. А. Токарева. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – Т.2., С. 10.

точки зрения (Т. Кучина, С. Оробий). В настоящей работе повествовательные стратегии исследуются не со стороны деятельности нарратора, а в их внутреннем структурировании, способах построения.

Анализ показал, что повествование у М. Шишкина организуется как исторический и документальный нарратив, но в построении этих нарративов применяются стратегии вполне фикциональные.

В параграфе 2.1. анализируется исторический нарратив автора. М.Шишкин обнаруживает несомненное знакомство с нарративистскими теориями истории. В разделе 2.1.1. «Особенности видения истории в конце XX – начале XXI вв.» дается краткое описание современных теорий исторического нарратива (Х.Уайт, Ф. Анкерсмит), оказавших заметное влияние на авторское представление об истории.

В разделе 2.1.2. «Историческая реальность как условная модель мира» анализируются уже существующие интерпретации историографической составляющей текстов М. Шишкина и дается новая интерпретация проблемы с учетом эволюции индивидуального метода автора. Об интересе писателя к историософии, о своеобразии «историзма» его произведений неоднократно писали литературоведы и литературные критики: Н. Лейдерман, М.Липовецкий, Н. Иванова, М. Амусин, И. Каспэ, А. Лобин, В. Шубинский и др. Но, несмотря на явный интерес писателя к истории, тексты Шишкина вряд ли можно отнести к исторической прозе.

Вектор движения исторического нарратива М. Шишкина, по мнению автора диссертации, направлен от достаточно точного воспроизведения исторических реалий (в романе «Всех ожидает одна ночь») к изображению исторической реальности как некой условной модели мира, в которой разворачиваются общечеловеческие коллизии (в романе «Письмовник»).

Первый роман писателя подчеркнуто реалистичен: в нем читатель находит множество деталей и подробностей из жизни провинциальной России начала XIX века, историческое время в этом романе линейно. Кроме того, автор вводит в роман множество персонажей, имеющих прототипические корни (Г.Р. Солнцев, С.И. Ситников, А.П. Маслов и др.).

Во «Взятии Измаила» изображение исторического времени меняется кардинальным образом. В этом романе историческое время нелинейно, ризоматично – все исторические времена соположены на одной плоскости. В тексте переплетаются разные исторические эпохи: конец XIX века (история жизни Александра Васильевича), середина XX века (сюжетная линия, посвященная Евгению Борисовичу и Марии Дмитриевне), конец XX века (сюжетная линия, посвященная М. Шишкину). В рассказах о судьбах героев смешиваются детали, относящиеся к различным периодам истории. Историческое время в этом романе, в отличие от романа «Всех ожидает одна ночь», не маркировано. К истории жизни Евгения Борисовича, он же земец Д., относятся как события восьмидесятых годов прошлого века, так и события конца XIX века.

Такой же принцип изображения истории сохраняется и в романе «Венерин волос», где вновь переплетаются различные исторические эпохи.

Персонажи одного исторического времени становятся героями другого: события в Чечне 1944 года оцениваются глазами древнегреческого летописца Ксенофонта. Обращаясь к конкретным историческим событиям, отстоящим друг от друга на тысячелетия (поход эллинов, описанный в мемуарах Ксенофонта «Анабасис», и репатриация чеченцев в годы Великой Отечественной войны), автор сопоставляет эти события в некотором условном общем историческом времени. Помимо этого, в «Венерин волос» происходит нарративизация истории: все исторические события репрезентируются через постоянно корректируемый письменный и устный рассказ героев.

В романе «Письмовник» различные исторические эпохи не просто смешиваются, а взаимопроникают друг в друга. Главные герои романа, любящие друг друга Владимир и Сашенька, живут в разное время: начало и конец XX века. Автор переводит действие романа в надысторическое пространство – события, происходящие с героями, в какую бы эпоху они ни жили, архетипичны (взросление, любовь, разлука и т.д.).

Автор диссертации приходит к выводу о том, что обращение к историческому материалу в произведениях Шишкина, прежде всего, определено коммуникативно-прагматической интенцией писателя – раскрыть архетипичность всего происходящего с человеком. В сущности, история в поэтическом мире Михаила Шишкина раскрывается как колоритная, точная в деталях, но иллюзорная поверхность подлинного бытия.

В разделе 2.1.3. анализируются способы создания исторического хронотопа в произведениях Шишкина. Одной из особенностей повествовательной стратегии писателя является размыкание хронотопа, «выключение времени», вынесение времени за скобку («Взятие Измаила», «Венерин волос», «Письмовник»). Пример создания такого вневременного хронотопа можно наблюдать во фрагменте романа «Взятие Измаила», посвященном Владимиру Павловичу Мотте (это и 80-е годы XX и конец XIX века). Определить время действия в этом фрагменте текста невозможно. Автор намеренно переводит хронотоп из определенной временной плоскости во вневременную. Появляющийся далее в тексте хронотоп вокзала лишен вообще какой-либо временной маркированности, время размывается от двадцатых до девяностых годов XX века: пассажиры жалуются на то, что остановлено движение поездов – то ли из-за того, что грабит эшелоны батяня Махно, то ли движение перекрыли бастующие шахтеры.

В романе «Венерин волос» автор не только пользуется приемом «выключения времени», но и актуализирует параметры пространства, находящегося «вне времени». Именно это позволяет воспринимать встречу в долине Кавказа бегущих от репрессий советской власти чеченцев и десяти тысяч греческих наемников, отступающих на север после битвы при Кунаксе, как нечто, не противоречащее логике. Актуализация пространства достигается писателем за счет стержневого для романа мотива пути. Основные персонажи романа – путники: живущий в разных странах Толмач, кочующая из города в

город с постоянными концертами Белла и даже всю жизнь мечтавшая увидеть настоящего Лаокоона Гальпетра, попавшая в Рим в воображении Толмача.

Но если применительно к двум предыдущим романам можно говорить о «выключении времени», вынесении времени за скобку и актуализации писателем изображаемого им пространства, то в «Письмовнике» происходит спатиализация – превращение времени в пространство (от латинского *spatium* – пространство, опространствование). Примером такого опространствования времени является хронотоп трамвая, приобретающего в тексте символическое значение. Трамвай становится символом времени: в нем, переполненном людьми, движущимися к «точке схода», – сакральному будущему всех живших и живущих – героиня вновь встречает своего умершего отца. Движение к «точке схода» (еще один пример опространствования времени) – это извечный цикл, который повторяют все живущие, именно об этом говорит отец героини: «Видите ли, она умирает! А мы, значит, не умираем? В трамвае едем! А куда мы едем? Туда и едем!».

Сопряжение в одном моменте разных временных модусов (настоящее, прошлое и будущее), в связи с этим изображение вневременности всего живущего – является главным свойством хронотопа М. Шишкина: модусы времени методом соположения в едином пространстве складываются у автора в пространственно-временной универсум.

В разделе 2.1.4. «“History” и “story” в произведениях писателя» анализируется соотношение большой истории и повествований героев о своей личной истории в произведениях писателя. В ходе анализа текстов Шишкина доказывается, что самоидентификация героев во всех произведениях автора, постижение ими самих себя происходит в процессе рассказа (письменного или устного) о себе, а по достижении цели – полного воплощения героя – рассказ обрывается. В романе «Венерин волос» Шишкин пишет об определяющей роли жизненной истории в судьбе каждого человека. Этот текст автора явно показывает его знакомство с нарративистскими концепциями истории (Х.Уайт), разводящими понимание истории как исторического процесса (*history*) и ее воплощение в нарративе (*story*). Писатель, прежде всего, понимает историю как рассказ: «История – рука, вы – варезка. Истории меняют вас, как варезки. Поймите, истории – это живые существа». И так называемая «большая история» предстает перед читателями через рассказы, повествования героев о своей жизни. В тексте главы обосновывается следующее положение: как «*story*» конструирует «*history*», так истории героев произведений Шишкина определенным образом конструируют, моделируют их жизнь.

В параграфе 2.2. «Документальный нарратив» анализируется одна из основных повествовательных стратегий Шишкина. Документальное начало, а также переплетение в тексте фактуального и фикционального является отличительной особенностью поэтики писателя. Причем статус документа в его произведениях приобретают как подлинные документальные свидетельства эпохи, так и художественные тексты изображаемого им времени.

В разделе 2.2.1. «Документальное, фактуальное и фикциональное» дан краткий обзор современного научного осмысления проблемы документа в литературе. По наблюдениям многих исследователей (И. Каспэ, Е. Местергази, П. Палиевский), документальное начало сегодня активно развивается в литературе. Апелляция к документу наблюдается в произведениях многих современных писателей (Л. Улицкая, В. Маканин, Н. Кононов, А. Терехов и др.). В связи с актуализацией темы документальности в литературоведении происходит и актуализация противо- и сопоставленных понятий: фактуальность и фикциональность¹.

В разделе 2.2.2. «“Документ документов” М. Шишкина» анализируются текстуальные стратегии писателя в создании документального начала. В своих текстах Шишкин не столько воспроизводит подлинные документы, сколько создает эффект документа, стилизует жанр документа. В произведениях писателя представлены почти все жанры, традиционно относимые к документалистике, – дневники, мемуары, письма, судебные речи, а также различные протоколы: суда – во «Взятии Измаила», бесед с желающими получить убежище в Швейцарии – в «Венерином волосе». Выходя за рамки фикционального, органично соединяя в одном тексте различные жанры, стили, лексику, вымышленных персонажей и героев, имеющих документальную основу (Михаил Шишкин и Гиперид во «Взятии Измаила», Ксенофонт и Белла в «Венерином волосе»), автор не только показывает жизнь, историю глазами реально существовавших людей. Введением «документальных» персонажей и текстов он делает изображенный мир более предметным, устойчивым, вещественным, истинным. При этом Шишкин «сшивает» и подлинно документальные тексты (например, отрывки из «Анабасиса» Ксенофонта) и те, которым автор самочинно присваивает статус документа (дневники Изабеллы Юрьевой). Все романы писателя представляют собой переплетение различных видов вымышленного и подлинного документального письма. Герои М.Шишкина пишут автобиографии (герой романа «Взятие Измаила» адвокат Александр Васильевич), дневники (героини романа «Венерин волос» Белла и Изольда, герой романа «Взятие Измаила» В. Мотте), пишет письма своему сыну по прозвищу Навуходонозавр один из главных героев «Венериного волоса» Толмач. Как переписка двух влюбленных построен последний роман Шишкина «Письмовник».

В параграфе анализируются способы соединения фактуального и фикционального в романах М. Шишкина: это сквозные персонажи, повторяющиеся микроэпизоды, героями которых становятся как вымышленные персонажи, так и персонажи, имеющие документальную основу. Многочисленные сюжетные линии того и другого романа скрепляются

¹ О различении этих понятий пишет И. Каспэ: «под документом обычно подразумевается «фактуальное повествование» – то есть нарративная противоположность литературного вымысла («фикционального текста», «fiction»)» [Каспэ И. Когда говорят вещи: документ и документность в русской литературе 2000-х. – М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. – С. 11].

сквозными мотивами, общими для вымышленных и фактуальных персонажей: беременность, роды, болезнь, смерть ребенка, тюрьма, похороны и др.

Одной из задач раздела становится определение характера стратегии автора в работе с документальным материалом: в тексте диссертации она названа стратегией интердискурсивности. Суть стратегии заключается в том, что автор, изначально придавая фикциональному нарративу фактуальный характер, всякий раз потом намеренно разрушает фактуальность текста. Такая, почти незаметная, подмена, совершается на разных уровнях текста. Например, на уровне рассказчиков: история продолжается, а рассказчик незаметно оказывается другим. Подмена осуществляется не только на уровне взаимодействия микрорассказов внутри текста, но и в смешении более «крупных» повествовательных дискурсов: исторического / мифологического, фактуального / фикционального. Так, о репатриации чеченцев 1944 года рассказывает Ксенофонт: «Также погибла – продолжает свой рассказ Ксенофонт – Алимходжаева Пайлаха. Не знаю, сколько ей было лет, ее тоже убили в Хайбахе». Универсальность интердискурсивности как повествовательного принципа доказывается его применением на микроуровне отдельного предложения: «Листал газету. В Германии опять погромы, У финских шхер затонул паром. В Москве грипп <...> В Тьмутаракани наводнение. Рубль в порядке».

В использовании М. Шишкиным текстов-документов прослеживается определенная динамика. С одной стороны, автор идет по пути, названному Б.Дубиным «раскавычиванием документа». Наиболее ярко эта тенденция проявляется в последнем романе писателя «Письмовник», где вновь (как и в «Венеринном волосе») можно наблюдать фрагменты чужих текстов. Другая тенденция – усиление интереса писателя к документальным жанрам как таковым. Только за последние два года были опубликованы два его документальных произведения: автобиографический рассказ «Пальто с хлястиком» и документальный роман в письмах «Кампанила Святого Марка».

Таким образом, в творчестве автора наблюдается устойчивое тяготение к документальному материалу как способу создания подлинности изображаемого бытия, способу сохранения ускользающей мимолетной реальности. Однако невымышленность, документальность таких персонажей, как Белла и Михаил Шишкин, еще не делает этих героев подлинно фактуальными, ибо, по мысли автора, реальность дробится на осколки, исчезает. Подлинность, считает писатель, герои приобретают, только будучи преображенными, воскрешенными авторским словом в тексте романа. Так фикциональность усиливает фактуальность. Отражая судьбы вымышленных и реальных персонажей друг в друге, автор создает фактуальность высшего уровня – фактуальность текста, становящегося для писателя «документом документов», то есть высшим итогом документирования.

Третья глава «Становление художественного метода Михаила Шишкина» посвящена одному из наиболее дискуссионных вопросов в изучении творчества писателя: какой эстетической системе принадлежит его творчество? Большинство исследователей располагают творчество Шишкина в

постмодернистской парадигме (И. Скоропанова, Г. Нефагина, А. Мережинская, В. Курицын). М. Липовецкий интерпретирует прозу Шишкина как скрещение постмодернистской поэтики с интеллектуально-модернистским дискурсом. И. Каспэ относит творчество автора к «классикалистской» литературе. В диссертации отмечается, что разброс оценок в определении творческого метода писателя связан с тем, что художественный метод автора находится в процессе становления и носит синкретичный характер.

В параграфе 3.1. «Творчество М. Шишкина на скрещении эстетических парадигм» диссертант приходит к выводу о том, что в произведениях Шишкина нашло яркое воплощение формирование новой художественной системы. Она определяется исследователями по-разному: постпостмодернизм (В. Курицын, М. Эпштейн, Н. Маньковская), постреализм (Н. Лейдерман, М. Липовецкий), трансметареализм (Н. Иванова), неомодернизм (Н. Лихина, И. Кукулин, Н. Маньковская, А. Мережинская, И. Скоропанова). В работе отмечается, что новая парадигма художественности носит синкретичный характер, представляя сплав различных классических и неклассических систем, более же всего в ней, как считают исследователи, проявляются постмодернистские (модернистские) и реалистические тенденции.

В параграфе 3.2. «Реалистическая поэтика в романе “Всех ожидает одна ночь”» рассматривается творческая интерпретация автором русского классического романа. Анализируются многочисленные интертекстуальные отсылки к текстам Лермонтова, Тургенева, Куприна, Бунина, обращение к «проклятым вопросам» русской классики (Н. Иванова), интерес к вечным темам (центральное место в романе занимает тема отцов и детей).

Этот роман Шишкина сближает с классикой и абсолютное попадание в стилистику, тематику, мотивику, язык литературы XIX столетия. В работе отмечается, что исторические события в романе предстают как фон, среда частного существования. Фон изменяется (это может быть и Россия начала XX века), а герои неизменны – «обычный» человек в трагическом мире.

Изучение работы Шишкина с реалистическим каноном позволяет квалифицировать роман «Всех ожидает одна ночь» как искусную стилизацию под классику, обусловленную стремлением автора к освоению стилистических возможностей классической прозы, а также намерением писателя раскрыть трагизм существования человека в сложные переходные эпохи. Подобные опыты в современной прозе осуществляет прозаик А. Уткин («Хоровод», 1996).

В параграфе 3.3. «Освоение постмодернистской поэтики в романах “Взятие Измаила”, “Венерин волос”» анализируется дальнейшее развитие творческого метода автора.

Названные произведения содержат множество постмодернистских технологий и приемов: фрагментарность, коллажность, цитатность, центонность. Однако характер изображения истории у Шишкина, скорее, модернистский, чем постмодернистский: история рассматривается писателем как единое общечеловеческое время. Такое изображение времени свойственно

модернизму: об этом писал Д. Затонский, отмечавший, что писатели-модернисты создают в тексте «свой миф о неподвижности бытия».

С эстетикой модернизма произведения писателя сближает и обращение к архетипам, в том числе к архетипу творца слова – демиурга. Модернистское начало, как показывает анализ, проявляется и в структуре текстов. С одной стороны, доминируют фрагментарность, коллажность, с другой, – зеркальность, двойничество как повторяющихся ситуаций, так и фабульных линий (мотивы жизненных испытаний героев, смерти и болезни близких, рождения детей).

В диссертации рассматриваются случаи, когда обращение писателя в текстах к глубоко личному опыту придает романам исповедально-лирический характер. В этой исповедальности формируется отчасти парадоксальное для романа свойство поэтики Шишкина: его проза глубоко лирична. Несмотря на огромное количество действующих лиц, в произведениях отсутствует истинный диалогизм. Истории-монологи героев существуют параллельно друг другу.

Такие особенности поэтики автора, как зеркальность, повторяемость, архетипичность, исповедальность, лиризм придают текстам писателя эффект интерактивности, позволяющий читателю «встроиться» в текст Шишкина со своей личной историей. В данном случае и постмодернистские приемы письма: коллажность, фрагментарность, незавершенность сюжетных линий, множество повествующих субъектов, отдаленных друг от друга десятилетиями, способствуют этому эффекту.

В параграфе 3.4. «Поэтика модернизма – доминанта художественного метода писателя» рассматривается последний роман автора «Письмовник», в котором модернистская порождающая парадигма становится наиболее очевидной. Последний роман автора был оценен критиками как самый простой по форме (Д. Бавильский, А. Наринская, М. Эдельштейн). Композиционно роман очень прост, в нем отсутствуют коллажность и фрагментарность, являющиеся доминантными структурными элементами двух предыдущих романов автора. Как и в предыдущих романах, время этого романа – не конкретное историческое время, а некое условное надысторическое время.

Д. Бавильский, определяя художественный метод «Письмовника», отметил, что это – «постмодерн, понятный и исполненный как модерн». Однако, как показывает проведенный анализ, мифологизация реальности, обращение автора к трансцендентным сущностям, выстраивание системы ценностей, отсутствие игрового, иронического начала, актуализация новой искренности, лиризм произведения – все это позволяет говорить об усилении модернистских тенденций в этом романе. Слияние эпоса и лирики отчасти сближает произведение Шишкина с символистскими романами. Помимо этого, близость к символистскому роману наблюдается и в реализуемом писателем принципе «ипостатности автора», когда «автор, герой и читатель связаны отношениями со-порождения» (Н. Барковская). Кроме того, и отсутствие постмодернистских структурообразующих элементов также свидетельствует об усилении модернистских тенденций.

Проведенный анализ позволяет очертить вектор становления художественного метода автора: от стилизованной поэтики реализма к образованию синкретичной художественной системы, доминантой которой является модернистское миропонимание, обрастающее постмодернистскими технологиями.

Проведенное в главе исследование литературных связей М. Шишкина с прозой современников позволяет говорить об укорененности творческого метода писателя в современной эпохе. Опыты Шишкина с языком сближают его с поисками С. Соколова, экзистенциальная проблематика, исповедальные интонации – с прозой и эссеистикой А. Гольдштейна, интерпретации современной истории – с экспериментами В. Шарова, модернистские интенции – с прозой А. Королева. Таким образом, при всей его уникальности, творчество М. Шишкина оказывается репрезентативным художественным опытом по отношению к русской литературе рубежа XX – XXI вв.

В **Заключении** диссертации подведены общие итоги работы, намечены перспективы дальнейшего исследования. Здесь дается обобщающий вывод об индивидуальном творческом методе автора, в основе которого лежат повторяемость, зеркальность (сюжетов, ситуаций, мотивов, персонажей, художественных деталей), интердискурсивность, интерактивность. Автор диссертации полагает, что синтез модернистских стратегий и постмодернистских тактик письма М. Шишкина (фрагментарность, коллажность, ризоматичность, нелинейность, многосубъектность); использование различных дискурсов (документальный, исторический, автобиографический) делают художественную систему писателя гибкой и открытой, включающей читателя в процесс «со-порождения» смысла. Возможно, подобные творческие стратегии и обеспечивает сегодня читательскую востребованность достаточно сложной прозы писателя.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, утвержденных ВАК Министерства образования и науки РФ

1. Лашова С.Н. Принцип пазла: язык и хронотоп в прозе М. Шишкина / С.Н. Лашова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2010. – Вып. 6. – С. 186–191.

2. Лашова С.Н. Мотив воскрешения в прозе М. Шишкина / С.Н. Лашова // Гуманитарный вектор. Чита, ЗабГГПУ, 2011. – №4(28). – С. 199–206.

Публикации в других изданиях

3. Лашова С.Н. История в сослагательном наклонении (о феномене историко-альтернативной прозы) / С.Н. Лашова // Сборник статей по материалам научно-практической конференции «Филологическое образование

в процессе становления профильной школы: проблемы и перспективы». Пермь, 2009. – С. 224–227.

4. Лашова С.Н. Документально-фактуальное и фикциональное в прозе М. Шишкина / С.Н. Лашова // Сборник V Международной научно-практической конференции «Концептуальные проблемы литературы». Ростов-на-Дону. Изд-во: Педагогический институт Южного Федерального университета, 2010. – С. 88–96.

5. Лашова С.Н. Хронотоп в прозе М. Шишкина / С.Н. Лашова // Сборник III Международной научной конференции «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты». Чита: Изд-во: ЗабГГПУ, 2010. – С. 184–188.

6. Лашова С.Н. Мотив языка в рассказе М. Шишкина «Урок каллиграфии» / С.Н. Лашова // Сборник IV Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы экономики и управления в современном обществе». Пермь. Изд-во: АНО ВПО «Пермский институт экономики и финансов», 2010. – С. 383–385.

7. Лашова С.Н. Мотив языка в прозе М. Шишкина / С.Н. Лашова // Материалы конференции «Литература сегодня: знаковые фигуры, жанры, символические образы». Екатеринбург: Изд-во «Урал. гос. пед. ун-т», 2011. – С. 116–120.

8. Лашова С.Н. Мотив истории в прозе М. Шишкина / С.Н. Лашова // Сборник IV Международной научной конференции «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты». Чита: Изд-во: ЗабГГПУ, 2011. – С. 109–112.

9. Лашова С.Н. Язык как средство «вертикальной коммуникации» (по рассказу М. Шишкина «Спасенный язык») / С.Н. Лашова // Сборник текстов рассказов и статей (под редакцией В.Е. Кайгородовой). Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2011. – С. 166–173.

10. Лашова С.Н. Интертекстуальность как повествовательная стратегия М. Шишкина / С.Н. Лашова // Сборник V Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы экономики и управления в современном обществе». Пермь. Изд-во: АНО ВПО «Пермский институт экономики и финансов», 2011. – С. 431–433.